

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ТАЛОРИС

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1164

Рисунок на переплете
В. Бондаря

Иллюстрации
М. Никифорова

Пехов А. Ю.
П23 Талорис: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 375 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2887-8

Время стирает прошлое, заносит песком забвения, превращает историю в мифы. Талорис, город на краю мира, некогда считавшийся прекрасным, теперь полон мрачных тайн и чудовищ. Именно там произошел Катаклизм, расколовший Единое королевство и завершивший эпоху.

В мире успели давно забыть об этом. Люди погрязли в войнах и интригах, они не желают видеть то, что пробуждается на Талорисе спустя сотни лет. Шерон, Мильвио, Дэйт и Лавиани продолжают свой путь по дорогам герцогств, спеша за синим и белым пламенем, говорящим им о том, что стоит вспомнить прошлое, прежде чем станет слишком поздно.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2887-8

Глава первая БАТАЛИЯ

Когда надежда была потеряна, фланги смяты и люди, дрогнув, начали отступать под натиском «других», протрубили рога. Слитные стальные квадраты, шестьдесят тысяч храбрых мужей пришли на бледные равнины Даула. В тот час баталии изменили ход боя и спасли первый день величайшего сражения в истории людей, великих волшебников, астрорэ и тьмы, что пришла с той стороны.

*История возвышения и падения Темного Наездника.
Записки очевидца. Начало Эпохи Процветания*

— Держа-а-а-ать строй! — прокатилось над равниной. — Держаааать!

Дэйт потерял секиру в прошлом столкновении, та намертво застряла в каком-то фихшейзце, на свою беду подвернувшись под широкое лезвие, когда ряды оборонявшихся были все же разорваны таранным ударом вражеской кавалерии. Извлекать оружие не осталось времени — уставшая панцирная баталия, сомкнув строй, ошетилившись пиками и алебардами, пятилась назад, надеясь достичь каменной гряды возле Старой дороги, укрепиться на ней и передохнуть, прежде чем обескровленный противник подтянет свежие силы.

Раз. Два. Раз. Два.

Они шли.

Сержантские свистки звучали по всей длине фронта, беспрерывно, точно мерзкие птицы. От них не было спасения, и они были... спасением. Помогали сотням людей двигаться в едином ритме, не ломать шеренги, равнять щиты и пики, следить за флангами и не терять надежды, что все получится.

— Темп! Темп, мать вашу! Не спа-ать!

Низкий рев капитана баталии, барона да Мере, свояка Дэйта, пролетел над рядами, заглушая лязг стали. Свистки издали долгую трель, от которой где-то в затылке пробудилась тупая боль. И солдаты стали шагать быстрее.

Раз-два. Раз-два.

Дэйт повертел головой, пытаясь увидеть, что происходит там, где они оставили трупы врагов, но тщетно. Слишком плотный строй, и видно лишь древки пик, серо-голубые знамена с крылатым львом да латные наплечники и шлемы товарищей.

Он был рад, что Кивел да Монтаг отправил его сюда, пускай сперва начальник охраны и высказал свое недовольство из-за того, что ему приходилось оставить герцога.

— Выгляни в коридор, если ослеп, — отшел его возражения владетель. — Видит Вэйрэн, меня есть кому защитить, и это не считая тех трех «карпов», что мы наняли месяц назад. Ты же получишь право быть моим голосом на юге. К тому же хорошо знаешь да Мере, он твой родич и скорее прислушается к тебе, чем к кому-то другому из моего окружения. Драбатские врата и долины за ними важны для нас в этой войне. Если враг их займет, они получают плацдарм, на котором легко переждут зиму, а для нас затягивание войны на своей территории неприемлемо. Возьми тех, кому доверяешь, но не больше сотни из гвардии, и отправляйся. Моя армия не выдержит одновременного удара с двух сторон. Сначала я разберусь здесь, а потом уже стану разговаривать с фикшейзцами и дорогим кузеном, раз он меня предал.

И Дэйт уехал, на три месяца погрузившись в схватки и стычки, которым не было конца.

Удар огромного батального барабана вернул его к реальности. Они стояли на склоне, перед вытоптанном полем, через которое только что прошел бронированный квадрат людей.

Свистки сержантов изменили тональность, и первые два ряда пикинеров двинулись вперед, спустя десять шагов уперли пики в землю, поставив их под углом, создавая опасный частокол. За ними расположились арбалетчики в легкой броне. Вдоль фронта забегали мальчишки, бросая на пожухлую траву плетеные корзины с тяжелыми бронебойными болтами.

Теперь, если случится внезапная атака, они смогут удержать врага, пока товарищи снова не возьмутся за оружие.

Остальные воины, несколько тысяч человек, вооружились короткими лопатами и мотыгами, начав создавать оборонительную насыпь.

— Дикай! — позвал Дэйт, и перед ним оказался крепкий оруженосец в открытой капеллине. Взгляд у него был уставший, а светлая щетина вся в чужой крови. — Найди мне свободную алебарду из обоза. Тавер! Сколько мы потеряли?

— Всего лишь четверых из тех, кто приехал с вами из Шаруда, милорд, — сказал его заместитель, бородатый молодец с лихо закрученными усами. — Итого из сотни осталось...

— Пятьдесят три человека. Я умею считать. Проверь, чтобы все напились, прежде чем начнется следующая атака.

Баталии более не существовало. Крепкий стальной квадрат разбился на отдельные отряды, каждый занял свой участок растущего укрепления. Люди работали усердно, обустроявая временный лагерь, и каждый знал, что ему делать.

Вперед выслали патрули, два десятка всадников начали следить за местностью, еще пятеро ускакали в тыл, к отступившему ранее большому обозу, сообщить, чтобы везли провиант. Где-то на задворках укрепления уже застучал молот походной кузницы, а легко раненных отводили к раскрытому шатру белого цвета.

Дэйт все это видел, проходя мимо людей, слыша, как лопаты вгрызаются в землю, как мотыги попадают по камням и как оруженосцы разносят воду, перекинув тяжелые кувшины ремнями через плечи.

В центре разбиваемого лагеря он нашел капитана баталии.

Барон да Мере, плотный и физически сильный, с совершенно лысой головой, уродливый из-за когда-то сломанной и неправильно сросшейся нижней челюсти (удар палицы в одном из пограничных сражений за Брокаванский перешеек), скорее рычал, чем говорил. Враги звали его Зверем Брокавана, свои — Старым Медведем.

Он был облачен в полный доспех, украшенный позолотой и синей эмалью, сейчас покрытый пылью, чужой кровью и вмятинами.

— Мы удержались, Шестеро их заберите! — Капитан стоял, широко расставив ноги, похожий на гротескный бочонок, опираясь на перекрестье воткнутого в землю цвайхандера. — Мы отбили девять атак! И потеряли чуть больше сотни человек! А они почти две тысячи!

Слушавшие его дворяне застучали кулаками в латных перчатках по маленьким щитам или же по собственным нагрудникам, одобряя сказанное.

— Теперь мы встретим их здесь, и пусть попробуют сунуться, если им еще раз получить захотелось! Баталия сильна!

— Сильна единством! — хором ответили ему. Это был знаменитый боевой клич пехоты, родившийся тысячи лет назад, в те времена, когда их народ пришел биться на равнины Даула.

Узкие горные долины, пики и тропы не позволяли южным кантонам держать в достаточном количестве хорошо обученную кавалерию. И дворяне испокон веков предпочитали сражаться в пешем строю, вместе со своими солдатами.

Баталиями. Стальными квадратами. Лесом пик, алебард, быстрыми маневрами, неотвратимым накатом, безжалостностью к пленным и побежденным. Они были железным грохочущим морем, дисциплинированным и страшным в своей драке.

Могучим единством и сплоченностью.

— Идите к своим людям! Будьте с ними! Поддержите их. Передайте сержантам, что я горжусь всеми. Деритесь как всегда! И мы увидим завтрашний день! Баталия сильна!

— Сильна единством! — вновь прозвучало в предгорьях, прежде чем люди стали расходиться.

Да Мере обнял Дэйта, стукнул его по плечу:

— Рад, что ты цел. Жаркий выдался денек.

— Мы не добились того, чего планировали, — они смогли отбросить нас.

— Да. Не добились. Я предпочел отступить, чем ждать, когда их стрелы выкосят наши центральные ряды. Считаешь, что не прав?

— Герцог пусть решает, прав ты или нет, — мрачно ответил Дэйт. — Мы могли бы их еще сильнее потрепать, но лучше играть от обороны. Однако ты ведь понимаешь, что случится, если мы отойдем еще дальше? Через четыре лиги тракт разделяется. Что ты выберешь? Драбатские Врата или Червя? Мы не сможем защищать и то и то дальше нынешней позиции. Как драться на два фронта?

— С удовольствием! — Барон сплюнул. — Я получил сегодня письмо от его милости. Он шлет нам свои пожелания быть сильными. Быть сильными! Чтоб этого ублюдка забрал его любимый Вэйрэн! Кажется, слепая баба свела его с ума. Мне нужны не пожелания, а пики! Стрелки! Стальные, мать их, отряды! Эти фихшейзские мрази разоряют мои земли, гра-

бят мои амбары и убивают моих людей, захватывая город за городом. А я могу лишь огрызаться, словно железная собака, кусать их да пятиться назад. До Врат. Сдавая долину за долиной.

— Ты знаешь, что ситуация на западе куда хуже, чем здесь. На перевалах все готово к встрече, а Врата защищать можно бесконечно долго.

Барон посмотрел зло:

— Вот что я тебе скажу, родич. Их можно было бы защищать бесконечно долго, оставь Тион на них створки. Но ему приспичило все разрушить из-за своего противостояния со Скованным. И теперь там дорога, через которую пройдет гигант, не говоря уже об обычных людях. Нас спасает лишь узкий мост, еще более узкая тропа и двенадцать оборонительных башен, где сидят почти все наши лучники. Я смогу сдерживать врага месяц, ну два. Но потом стрелы кончатся, а наши силы истощатся, и они пройдут дальше. Ты же это понимаешь.

— Я напишу герцогу, — предложил Дэйт.

— Напиши, — не стал возражать да Мере. — Отправлю письмо со слугой, пока Северная дорога еще не захвачена.

— Червь важен. Ущелье защищается испокон веков. Туда нет хода чужакам. Ты же не собираешься нарушить законы предков?

— Шаутт взял бы этих предков! Мы защищаем дикое ущелье из-за законов прошлой эпохи. Впрочем, приказ герцога. — Барон помахал сложенной бумагой. — Он делит баталию, забери его Шестеро. Ты отправляешься к Червию.

Дэйт вздохнул:

— Примерно это я и хотел тебе предложить. Мы не можем так рисковать и оставить этот путь свободным. Ты же знаешь, что собирается сделать кузен герцога?

— Предатель при поддержке фихшейзцев намерен пройти Червем на вершину Поцелуя Рассвета и обрушить с нее нависающий над долиной Камень белых львов. Я никогда там не был? А ты?

— И я. Однако говорят, что обломок скалы достаточно велик, чтобы упасть на ледник и сдвинуть его с места.

— Падали камни и раньше.

— Но, если у него получится, лед и гигантские валуны устремятся в долины юга, снося все на пути. В том числе и опор-

ные башни Драбатских Врат. Если у него получится, мы сдадим юг.

— Шанс невелик.

— Такое уже проделывали однажды, — напомнил Дэйт.

— Тысячу лет назад! Войс и Тион привели ледник в движение с помощью магии, и он в порошок перемолол кости целой армии. Но у Эрика-то магии нет.

— У него есть люди, решительность, молотки и кирки. Родственник нашего славного герцога всегда был беспринципным сукиным сыном, и если он пошел на предательство — то ради того, чтобы сесть на Львиный трон, убьет и соотечественников.

Да Мере помолчал, устало потер лицо:

— Мы спорим о пустом. Я могу сколько угодно не верить в то, что такое случится, но это не отменяет приказа герцога. К тому же, несмотря на мое недоверие и это дурное ворчание, прости дурака, я уже давно отправил туда рабочих рушить мосты. Ну ты и сам знаешь. Короче, все уже решено. Ты выступаешь к Червью и будешь защищать каменщиков, пока они сломают там все, до чего дотянутся их руки.

— Сколько я могу взять людей?

— Пять десятков. К твоим оставшимся.

Это было разумно. Тропы под землей узкие и, чтобы сдерживать противника, не нужна огромная армия.

— И наемников. Южан.

— Бери стрелков.

— Что с огнем?

— Там большой запас угля. Люди работают уже две недели. Запасы пополняют постоянно, еще принесли масло, к тому же у меня хранились... — Барон помедлил и сказал с неохотой: — Несколько артефактов прошлой эпохи. Они дают свет. Тусклый, конечно. Но, если топливо закончится, это поможет вам не остаться во мраке.

Дэйт подумал, посмотрел на высокое небо, мечтая избавиться от опостылевших доспехов.

— Вещи прошлой эпохи. Не знал, что у тебя что-то есть.

— Хм.

— Ну, значит, пустим кровь тем, кто решит туда сунуться.

— И да помогут вам Шестеро.

— Вэйрэн, — поправил его Дэйт.

Да Мере прищурился:

— Я не верю в новых богов.

— И я. Но герцог верит. Как и многие в стране теперь. Они идут за Вэйрэном. Шестеро не могли защитить нас от шаутов, а его сила смогла.

— Простолюдинка. Вся война из-за девки. Когда ее подстрелили, я даже обрадовался, но она воскресла, словно тау-вин из старых легенд. Впрочем, давай молиться всем, кто готов нас услышать.

К вечеру насыпь выросла до двух ярдов, полностью защищая фронт укрепившейся баталии. Ее левый фланг прикрывала речка, бегущая с предгорий, а правый — густой дикий кустарник и придорожная канава с ручьем. Ни одна конница, если только ее командиры не идиоты, не пойдет на штурм при таком рельефе, да еще и в горку.

Бой завязался уже в глубоких сумерках. Сперва на расстояние навесной стрельбы подошли четыре сотни лучников, опустошивших колчаны, но не причинили баталии серьезного вреда — люди прятались за башенными щитами и павезами, погибших оказалось не больше десятка. Затем в атаку двинулись спешившиеся рыцари Фихшейза, и на подходе их встретили «Виноградные шершни» — три сотни наемников-арбалетчиков из Треттини, проредив первые ряды и сбив напор, а после, когда враг все же ринулся на штурм, пытаясь забраться на насыпь, его «приняли» добрые пики, гостеприимные алебарды, ласковые полэксы и милосердные гизармы в товариществе с участливыми годендагами.

Ломая панцири, пробивая шлемы, заливая склон кровью, они заставили фихшейзцев откатиться назад, оставив убитых и раненых. Последних пришлось добивать и отволакивать крюками в поле, подальше от стоянки.

Когда стемнело, стороны успокоились до самого утра. Барон установил ночные дежурства, приказал освещать насыпь и следить за флангами, если враг все же задумал какую-то подлость. По периметру реки и ручья расставили секреты, и только после этого люди смогли хоть немного отдохнуть и расслабиться.

Дэйт наконец-то снял броню и даже искупался в реке, несмотря на нытье оруженосца Дикая, который беспокоился о своем господине по поводу и без повода.

— Хватит трястись за меня, — сказал ему начальник охраны герцога, пока помощник держал зажженный фонарь. — Ты хуже, чем три моих дочери, беспокоящиеся о своем скором замужестве.

Это немного пристыдило парня, и тот перестал причитать и лишь недовольно сопел да держал шестопер наготове, пока его господин залезал в холодную воду.

Мастер Рилли, командир наемных стрелков, пришел к костру, когда Дэйт вытирался отрезом ткани, стуча зубами и негромко ругаясь. На воине была простая вельветовая куртка и короткие штаны, открывавшие волосатые лодыжки. Он явился босым, а щегольский алый берет был засунут за широкий пояс, на котором висел фальчион со старенькой рукояткой.

Невысокий, улыбчивый капитан арбалетчиков не отказался ни от вина, ни от жареных куриных крылышек и наслаждался ужином в компании приближенных Дэйта.

— Сиор, — сказал этот чернявый щуплый треттинец, ковыряясь палочкой в зубах после ужина, — барон приказал отправить с вами какое-то количество моих славных братьев.

— Вы недовольны этим.

Последовало невозмутимое пожатие плеч:

— Отчасти. Теперь мне придется разделить людей. Это снизит эффективность отряда, приведет к лишним потерям, а на моих лейтенантов лягут дополнительные обязанности. Да и у меня седых волос прибавится.

— Но да Мере щедро платит и не задерживает жалованье.

— Верно, — нехотя согласился наемник. — Он честен и без сожаления отдает марки за наши риски. И не против, чтобы ребята шуrowали по вещам покойных врагов, да хранят их души Шестеро. Но... подземелье не входило в условия контракта.

— К тому же сам герцог обещал всем наемным отрядам премию после окончания войны. Он держит обещания. А я — его слово на этой стороне горного хребта, — напомнил Дэйт.

— Интересно выслушать ваше предложение, — прищурился Рилли, начав понимать, куда тот клонит.

— И вот вам мое слово. Те, кто пойдут с нами к Червяю, получат двойную выплату. Сразу.

Треттинец вздохнул так, словно ему сообщили о тяжелой болезни любимой бабушки.

— Мы не горим желанием лезть под землю, сиор. Жители Треттини ценят небо, простор и свежий воздух. — Капитан наемников взмахнул зубочисткой, словно та должна была подтвердить его слова. — Под землей люди должны оказываться, лишь попав в могилу. К тому же Червь, как я слышал от солдат, место древнее, помнящее прошлую эпоху. Мало ли что может скрываться во мраке... Знаете ведь, как опасны вещи и места из прошлого.

— Двойная оплата, мастер, — еще раз напомнил Дэйт. — И все доспехи, оружие и золото с убитых, в которых после боя мы найдем хотя бы один ваш болт.

— И выкуп за благородных пленников тоже, — тут же ухватился капитан наемников.

— Сожалею, — сухо ответил Дэйт. — Вы уже должны были понять, что мы не берем пленных. Это правило баталии. Пленные обременяют движение армии, их надо охранять, кормить и заботиться. Они пришли на нашу землю, чужаков никто сюда не звал, поэтому смерть для них — единственный вариант. Все, что вы сможете себе позволить: сбросить выживших в Улыбку Шаутта. Такое удовольствие я могу вам предоставить.

Командир арбалетчиков покачал головой, ответив на предложение легкой улыбкой:

— Нам не платят за работу палачей, сиор. «Крутящиеся черепа» или же «Соловьи Лентра» легко бы согласились, но «Шершни» дорожат своей репутацией. Мы просто солдаты. Согласен на двойную оплату и сокровища с мертвецов. А пленных сбрасывайте в пропасть сами.

Треттинец степенно протянул руку, и Дэйт ее пожал, скрепя сделку с наемником.

— Дополнение к контракту подпишем, как станет светло. И сразу получим выплату из сундука любезного казначея милорда да Мере. Я, пожалуй, пойду с вами, а лейтенантов оставлю общаться с бароном. От его вечерних ужинов у меня науро вечная головная боль. Сколько уходит с вами?

— Сто три человека.

Треттинец сунул палец в правое ухо, поковырял в нем, изучил ноготь в свете оранжевого пламени.

— Негусто, сиор. Риски велики.

— Риски есть в каждой битве, сто человек у тебя или двадцать тысяч. Ведь знаете, как все может повернуться, если

удача окажется на другой стороне. Проиграть можно и с трехкратным преимуществом. Чтобы держать мост, надо не больше десятка. Одни дерутся, остальные в резерве и меняются по мере надобности. Мы веками следуем этой тактике в горах. Сколько вы готовы взять стрелков?

— Тридцать?

— Из трех сотен? Мало. При тридцати стрелках мы получаем пять арбалетов на каждый из мостов, если враг начнет атаку одновременно по всем направлениям.

— Сорок?

— Пятьдесят.

— Платить барону и герцогу, сюр, — усмехнулся Рилли и отправил палочку, которой чистил зубы, в пламя. — Пусть будет пятьдесят. Только обеспечьте моих стрелков светом, чтобы было видно, в кого бить.

— Возьмите болтов столько, сколько сможете нести. И даже чуть больше. И павезы.

— Уже сделано, сюр. Несколько возов с амуницией отправлены к пещерам пару часов назад по распоряжению барона. Завтра утром мы возьмем еще из обоза. Столько, сколько позволят ваши командиры. Но прежде, чем уйти, я хотел бы узнать о Черве как можно больше.

— Я думал, про него и так все известно.

Наемник негромко рассмеялся.

— В вашем герцогстве, возможно. Но мир слишком велик, а в моей стране подобных древних строений полно на побережье и даже на мелководье, не говоря уже о лесах и полях. Единное королевство было слишком велико, а память людская слишком коротка, чтобы помнить все, что осталось с прошлых времен.

— Это пещера в южных отрогах хребта Кинжала. Никто не знает, сколько ей лет и когда она появилась, может, еще во времена асторэ. Точнее, это целая цепь пещер, от больших до огромных, и они ведут мимо нескольких озер к Улыбке Шаутта — глубокой пропасти, по форме похожей на месяц. Через нее переброшено шесть мостов.

— Зачем так много?

— Раньше это был единственный путь через горы, пока волшебники не сделали проходимым перевал, сточив хребет. На нем они построили Драбатские Врата. Мосты очень узкие, а людей путешествовало много. После Катаклизма горы при-

шли в движение, и сквозная подземная дорога во внутренние области герцогства оказалась разрушена.

Капитан наемников сложил руки, украшенные кольцами, на груди.

— То есть выход из подземелья только один?

— Нет, — помолчав, сказал Дэйт. — Осталось два пути после преодоления Улыбки Шаутта. Первый совершенно не интересен фихшейзцам, через почти восемьдесят лиг подземная дорога выходит по эту сторону хребта Кинжала. В диких лесах, на плато, где не живут уже много столетий. Они ничего не выиграют, оказавшись там, им придется идти почти до границы с Давором, где есть единственный спуск вниз, в долины.

— И это предстоит нам, если мы обрушим мосты? Ведь так? Целых восемьдесят проклятых шауттом лиг по подземельям, а затем дыра, из которой до войны мы будем добираться та сторона знает сколько времени.

— Верно. Отряд отступит именно этой дорогой, припасы уже подготовлены, и нам будет такое под силу.

— Право, мои люди останутся недовольны. — Капитан вздохнул. — Лишь двойная выплата заставит их не роптать. А второй путь?

— Он — цель нашего противника, как докладывают шпионы. Сразу после пропасти одна из двух уцелевших дорог идет резко вверх. Это Червь — гладкий, витой туннель, который, как говорят, создали волшебники. Он выходит на уровне снегов, на вершине Поцелуя Рассвета.

— Вы там были?

— Туда давно уже никто не ходит. Когда-то волшебники приходили на скалу, чтобы заключить союз с крылатыми львами. Про львов-то вы знаете?

— Конечно, — улыбнулся наемник. — Существа из сказки, как эйвы. Белые львы, способные летать. Они признавали над собой лишь власть волшебников и перевозили их из одной части Единого королевства в другую. Все львы погибли в Войну Гнева.

— Так говорят, — признал Дэйт. — Но многие у нас считают, что львам просто надоели люди и они скрылись на самых высоких пиках. Порой некоторые слышат в горах их рев, а может, путают его с камнепадом и лавинами. Как бы то ни было,

Червь выводит на площадку, где находится огромный камень, нависающий над отвесным склоном.

— Это я уже слышал. — Наемник хлопнул себя по колену. — Кое-кто хочет скинуть его в долину и вызвать движение ледника, как в старом мифе.

— И мы не можем этого допустить. Пока основные силы будут держать оборону Драбатских Врат, наш отряд обрушит мосты и лишит противника шанса устроить самую настоящую катастрофу.

Мастер Рилли почесал в затылке:

— Сиор, как человек практичный, я не могу не задать вопроса касательно мостов. Что мешает противнику отстроить их заново?

Дэйт улыбнулся:

— Время, например. Если армия его светлости придет на помощь барону да Мере и ударит фихшейзцам в спину, то опрокинет их в пропасть. Им некуда будет отступать.

— Ах, сиор. Поверьте человеку, зарабатывающему на жизнь войной: делать на ней прогнозы дело часто безрезультатное, и лишь Шестеро знают, как все повернется в итоге. Осень тянется, начнется месяц Меча с дождями, а потом и зима наступит, и армия герцога останется на западе, не успеет сюда. Тогда ваши надежды на то, что осаду Драбатских Врат снимут, окажутся тщетны, мосты они восстановят — и камень все же упадет вниз.

— Милорд, — подал голос оруженосец, — позвольте?

— Давай, Дикай, если тебе есть чего сказать.

— Я отсюда, хотя никогда не ходил к Червью. Ущелье перекрыто, его хорошо охраняют, и никто не пускает зевак, как это диктует старый закон. Но мой дед бывал там в молодости и рассказывал, что видел... Вы просто не представляете Улыбку Шаутта. Потребуется месяцы, чтобы восстановить хотя бы один мост. А возможно, и годы. То, что делали волшебники, трудно воссоздать обычным людям, особенно в нашу Эпоху Забвения.

— Но зато обычные люди с радостью сломают чужую работу. — Командир стрелков встал. — Возблагодарим же Шестерых за это. Давайте все сегодня хорошо выспимся, сиоры. Завтра нас ждет долгий переход, а после... после тоже ничего хорошего не будет.

Глава вторая ИРИФИ

В старых книгах говорят о днях, когда он появился в первый раз. Пришел из пустыни, поднявшись до неба желтым пологом, и обрушился на богатый караван, который больше никто никогда не видел. После он шагнул в оазисы, поселки и города, сделав небо оранжевым, а солнце бледным — и бушевал неделю, забрав с собой всех, кто необдуманно покинул кров. Говорили, что это дыхание Катаклизма, насмешка погибшего Войса, когда-то повелевавшего ветрами и спустившего их с поводка на Скованного. Дикий ветер рыщет по нашей земле, собирая страшную жатву. За века мы привыкли к его приходу и лишь смеемся над его тщетными попытками навредить нам. Но порой вместе с ветром приходят и те, кто скрывается за стеной песка и пыли...

*Альх Тафи. Чудовищные существа пустыни.
Первое издание.
532 год со времен Катаклизма*

Узкий соланский меч с чашеобразной гардой, легкий и удивительно прочный, не стал парировать восходящий удар, лишь мягко, как учил Мильвио, скользнул по другому клинку, чуть смещая, открывая пространство, достаточное для ответной атаки. Девушка быстро отступила вправо, выворачивая запястье, нанесла укол.

«Цапля охотится на рыбу в камышах».

Враг не ожидал от нее такой стремительности, едва не пропустил выпад, но в последний миг успел развернуться, уходя с линии удара. Шерон, предугадав, что последует за этим, снова сместилась, ловко балансируя на треснувших камнях сторожевой площадки древней крепостной башни.

Ее противник, мускулистый седеющий карифец, оскалился и перешел в наступление.

«Цапля стоит на одной ноге», «Цапля вытягивает шею», «Цапля следит за облаками» — ей постоянно приходилось использовать высокие стойки, чтобы защитить голову и шею.

Свободная рубашка из тонкой ткани намочла от пота, липла к спине, сердце билось загнанно, а руки из-за долгой схватки начали уставать. Она понимала, что пора заканчивать бой, до того, как жара высосет из нее все без остатка.

Мечи столкнулись, и «цапля взмахнула крыльями», а через удар сердца «погналась за стрекозой, огибая холм». Ее клинок, точно проворный мотылек, скользнул в открывшуюся брешь.

— Ух! — сказала Шерон спустя мгновение, получив болезненный удар в плечо, и опустила оружие, признавая проигрыш. — Но как?! Я была уверена.

— Уверенности мало. Нужны еще знания. Никогда не используй укол из такой стойки, особенно против того, кто опытнее тебя. Во время него ты открыта. Здесь. И здесь. Более слабого ты убьешь, но не опытного воина. Этот удар опасен не только для того, кому он предназначается...

— «...но и для того, кто его наносит, ибо открывает его противнику. Даже раненый и даже убитый, но все еще живой враг может нанести удар и забрать тебя с собой», — процитировала она старый учебник.

— Правильно. Но в этот раз у тебя все почти получилось. Ты была быстра, госпожа. Очень-очень быстра. И спокойна. Я доволен, как проходят наши уроки.

Убрав меч в ножны, мастер клинка продолжил:

— Ты учишься, с каждым месяцем становишься лучше. И начинаешь просчитывать на несколько ходов вперед. Я видел, ты плела свое кружево последние минуты, вынуждая меня открыться. И у тебя почти получилось. Со временем ты поймешь, кто опасен и как против него надо действовать. Не расстраивайся из-за неудачи. Она тоже часть обучения.

— Спасибо, Шамси. Ты хороший учитель.

Он степенно кивнул, принимая ее благодарность, но на смуглом лице не появилось и намек на улыбку. Карифец считал, что проявление лишних эмоций совсем не красит его седины.

Сперва это немного смущало Шерон, она никак не могла понять человека, которого нашла для нее Лавиани, но затем научилась читать по глазам. Он был мастером короткого меча, требовательным и порой даже жестоким, но терпеливым и готовым объяснять до бесконечности. А ведь поначалу указывающая была против предложения сойки.

Тот разговор произошел много месяцев назад, после очередной тренировки, когда к вечеру вся спина Шерон оказалась покрыта темными синяками от деревянного меча Лавиани.

— Я все время тебе проигрываю, — сказала девушка, когда та обрабатывала «побои» едкой мазью, остро пахнувшей смолистыми травами.

— А чего ты хочешь, рыба полосатая? — возмутилась собеседница. — Чтобы я тебе подыграла? Сдалась? Ну ладно, вот она я. Иди, ткни в меня своей палкой, если тебе от этого станет легче. Но в реальном бою никто не будет играть с тобой в поддавки. Я стараюсь подготовить тебя к настоящей схватке, и в ней, хоть для тебя это и является сюрпризом, как я посмотрю — все быстро, больно и очень жестоко.

— Я о том, что мне иногда кажется — все зря. Ты стремительная, и я просто не успеваю за тобой. Иногда даже движения не успеваю рассмотреть.

— Я этим занимаюсь с детства, и меня тренировал лучший убийца Пубира. А ты девочка с окраины мира, которая сражается с заблудившимися, а не с живыми людьми. По мне, тебе бы и дальше делать лишь то, что у тебя получается удачнее всего.

— Уж поверь, я тоже бы этого хотела. Заблудившиеся куда более простые противники, чем ты. Беда только в том, что они в Нимаде, а мы с тобой в Эльвате, в противоположной части света.

— Ладно. Это я так... ворчу, — буркнула сойка. — Ты, конечно, права, что начала заниматься, а Фламинго прав, что поддержал твою идею обучиться управляться с оружием. При нашем безумном образе жизни скорее встретишь живого человека с мечом в руках, чем мертвеца с волчьими зубами. Но сейчас ты просто торопишь события. Еще и года не прошло, как на берегу Бренна ты первый раз взялась за фехтование. И все равно твой прогресс впечатляет.

— Тебя впечатляет? — с иронией спросила девушка.

— Ну это я так... чтобы показаться вежливой, сказала, — признала Лавиани и усмехнулась.

— Вот это больше на тебя похоже, а то я уже начала думать, что передо мной шаутт, принявший твой облик, — мрачно произнесла указывающая, стараясь не обращать внимания на боль в спине.

— Язвишь, девочка? Хорошо. Найду я тебе мастера фехтования, — внезапно решила Лавиани. — Все. Надевай рубашку. За два дня заживет.

— Что? — Шерон не поверила своим ушам. — Зачем мне кто-то, когда есть ты?

Бывшая убийца Ночного клана помолчала, прежде чем ответить:

— Я плохой учитель. Раздражительна. Нетерпелива. И часто излишне жестока. Была бы ты парнем, и я бы сочла, что ты перетерпишь мои «уроки». Но ты мелкая девчонка, и когда-нибудь я сломаю тебе ребра или хребет только из-за своего дурного настроения. Тебе нужен тот, кто зарабатывает этим ремеслом и продолжит обучать тебя южной школе меча, раз уж Мильвио начал это делать.

Шерон затянула завязки на рукавах, задумчиво посмотрела на собеседницу:

— Может, я и мелкая девчонка, но давно уже не маленькая. Что происходит, Лавиани?

Та хмыкнула и села на подоконник, слушая, как шумят вечерние улицы Эльвата, оживающие после тяжелого дневного пекла.

— Правда в том, что мне надо оставить город на какое-то время.

Указывающая нахмурилась, но прежде, чем ответить, вымыла руки в металлическом тазу, думая о том, что нагретая за день вода совершенно не освежает.

— У нас неприятности?

— Нет.

— У тебя неприятности?

— Не думаю.

— Шестеро! Ты можешь хоть раз ответить прямо?!

— Не злись, девочка. — Шерон готова была поклясться, что ей послышалась неуверенность в голосе сойки. — Ты знаешь, что я ничего не делаю без веских причин. Это важно для будущего, и мне придется уйти.

— Я могу пойти с тобой?

Ответ она прочитала по лицу.

— Хорошо, — вздохнула девушка. — Значит, я остаюсь в компании Бланки.

Обе не стовариваясь хмыкнули, говоря тем самым, что удовольствие общаться с госпожой Эрбет крайне сомнительно.

— Ты вернешься?

— Конечно вернусь! — возмутилась сойка. — А ты будешь ждать меня здесь. И меня, и Мильвио. Он тоже появится рано или поздно.

«Но не Тэо», — с печалью подумала девушка, а вслух сказала:

— Сколько тебя не будет?

— Три месяца на дорогу туда и обратно, — пообещала сойка. — Максимум четыре. Я уйду, когда найду для тебя подходящего учителя, чтобы ты не теряла времени даром. Продолжишь осваивать клинок. Но пообещай, что, пока меня не будет, ты не станешь делать глупости и то, ради чего нас сюда привел Мильвио.

— Обещаю, — легко согласилась указывающая. — Без вас я вряд ли смогу добиться хоть какого-то успеха.

Думая об этом разговоре сейчас, Шерон подняла объемную флягу, принесенную Шамси, и сделала несколько скупых глотков, чувствуя слабую горечь на языке от трав, на которых была настояна вода.

Прошло не три месяца. И даже не четыре. С тех пор как Лавиани отправилась в путь, минуло полгода, и девушка была в отчаянии, не зная, увидит ли она хоть кого-то из своих друзей.

Тех, кого давно считала своей семьей.

Ей оставалось самое сложное — ждать.

Она не любила этого. И боялась.

Когда-то... казалось, уже в прошлой жизни... она ждала Димитра, уходившего в море и возвращавшегося с уловом. В конце концов море не вернуло мужа домой, отдало уинам, и Шерон помнила ту боль, что надолго поселилась в ее сердце.

Ожидание хуже мучений. И вот оно стало смыслом ее жизни. Теперь ей приходилось ждать острую на язык сойку. Ждать великого волшебника, так много рассказавшего ей о прошлой эпохе. И... Тэо. Тэо она тоже ждала, пускай и почти потеряла надежду на его возвращение.

Девушка осторожно села на край стены, свесив ноги в пустоту и разглядывая кварталы.

Уроженка Летоса, она так и не смогла привыкнуть к жаре Карифа, порой казавшейся ей нереальной, а порой... ужасной. В ее герцогстве, стране нескончаемых дождей, туманов и затяжных зимних штормов, тепло редкого и скоротечного ле-

та было праздником, но она и подумать не могла, что на юге обитаемого континента это самое «тепло» длится вечно, а иной раз и убивает неосторожного.

За долгий, невыносимо жаркий день солнце устало быть чудовищем, ослепительно-белым и таким раскаленным, что, казалось, от его лучей должен лопнуть череп, стоит лишь покинуть спасительную тень. Теперь оно с величавостью каравана туаре, бредущего от оазиса к оазису, медленно клонилось к горизонту, остывая и позволяя людям оставить дома, встречая скорую ночную «прохладу».

Ее до сих пор потрясала столица Карифа, помнящая Тиона, встречавшая Гвинта и Лавьенду, пережившая Катаклизм, почти утонувшая в жестоких песках, но выбравшаяся из них цветущим садом.

Он раскинулся в широкой долине, окруженной старыми красноватыми утесами, раскаляемыми солнцем, точно металл в кузнечном горне. За ними начиналась губительная пустыня, протянувшаяся до Песчаного моря, состоящая из барханов, скал, мертвых камней и редких живых островков, казавшихся изумрудным ожерельем на теле древней мумии.

Эльват был огромным городом, переждавшим все беды этого мира и устоявшим после раскола Единого королевства. Его жители не ушли, здания не остались заброшенными, и их не источило время, как многие другие города континента. Столица герцогства лишь росла из века в век, расплываясь по долине вместе с оросительными каналами, финиковыми рощами, каскадными полями и искусственными озерами.

Здесь, в сердце Феннефат, Дыхания Смерти, как называли появившуюся после Катаклизма пустыню, люди научились получать воду, вгрызаясь в землю, буря ее и добывая из скважин скрытый в глубине бесценный дар.

Шерон была удивлена, какую колоссальную работу проделали карифцы, чтобы, несмотря на жаркий климат, превратить каменистую пустошь в зеленую долину. Сюда был вложен труд и жизни множества поколений, что тысячелетие восстанавливали величие своей страны, пришедшей в упадок после Войны Гнева.

Башня, на плоской крыше которой Шамси учил девушку искусству меча, раньше входила в систему городских укреплений, но давно уже была поглощена разросшимся Эльватом, оказавшись далеко от периметра внешних стен, в районе Ли-

ловых Цветов, совсем рядом с огромным Верблюжьим рынком.

К ней еще много веков назад пристроили дома, перестали считать важным опорным пунктом, отдав на откуп людям, служившим в гвардии и вышедшим на пенсию. Внизу открылся постоянный двор, над ним жили несколько семей, а на смотровой площадке Шамси, когда-то тренировавший солдат, теперь преподавал искусство меча чужестранке.

Еще с десяток таких же башен каменными пальцами возвышались над городской застройкой, цепочкой уходя на юг, к Полю Мертвых — огромному некрополю, раскинувшемуся под тенью древних растрескавшихся утесов, выросшему вокруг могилы безымянного великого волшебника, жившего еще до того, как появился СкОВанный и его ученики.

Уроженка Летоса взгляделась в горизонт: где-то там, в доме с окнами, выходящими на старые могильные плиты, обрушенные пирамиды и засыпанные склепы, жила она.

Это странное место выбрал Мильвио, хотя Шерон и возражала, не желая находиться слишком близко к погосту, самому большому из всех известных в цивилизованном мире.

— Я не хочу. Давай найдем другое место. Почему здесь? — первое, что сказала девушка, попав туда и восстановив дыхание.

Он посмотрел на нее с грустью:

— Потому что это причиняет тебе боль. Потому что ты чувствуешь кости, что спят в песке.

— Чувствую, — шепотом призналась она. — Они бледней ракушек на галечном пляже. Тысячи тысяч. Старых и молодых. Я знаю их всех, и они зовут меня. Зачем мне эта боль?

Он взял руки Шерон в свои, заглянул в лицо:

— Пока чувствуешь ее, ты остаешься собой. Человеком. Указывающей из Нимада, а не тзамас, хозяйкой мертвых. Дар, который спал во многих из вашего племени почти тысячу лет, пробудился в тебе. Дар — это борьба. Не важно, кто ты — некротомант, великий волшебник, асторэ или таувин. Всегда есть соблазн и сила, что толкает нас на плохие поступки.

— Плохие? Но, Мильвио, отчего же сразу плохие?!

Его глаза были как холодные изумруды.

— Потому что мы можем. Это в человеческой природе — совершать дурные поступки, обретая власть над другими. Пока твой новый дар юн, он будет проверять тебя. Как пес про-

веряет неопытного хозяина. Как волк проверяет своего вожака и ищет слабинку. Поддашься, и он станет главнее, чем ты. Победит твою природу. Заставит оступиться, и это может привести тебя вон туда. — Мильвио кивнул на ряды ступенчатых пирамидок, тянувшихся до самого горизонта, где угадывались очертания утесов. — А если не тебя, то сотни людей, что могут оказаться на твоём пути.

Шерон, подумав над его словами, спросила через несколько дней:

— Значит ли, что некроманты прошлого теряли разум?

— Как асторэ, не способные справиться со своим даром? Нет. Ты не сойдешь с ума... — Он вздохнул и неожиданно признался: — Знаешь, я многое забыл из того, чего не стоило забывать. Когда твоя жизнь столь длинна, события смазываются, теряются, а истина не кажется такой уж очевидной. Просто... ты можешь стать иной, потому что общение с мертвыми, помощь от них... меняют. И то, что раньше ты считала правильным, можно с легкостью отбросить, словно ненужный якорь. Шаг. Еще шаг. И еще. Каждый раз немного в сторону от той морали, к которой привык, ведь ты думаешь, что ничего плохого не случится, все будет по-прежнему — и не успеешь оглянуться, как сойдешь слишком далеко со своей дороги и окажешься...

Треттинец вновь указал на кладбище:

— Среди мертвых. Ты должна помнить о них всегда для того, чтобы остаться собой.

Она поднялась из постели и встала у окна, глядя на могилы, частично занесенные песком, с ненавистью:

— Ты сражался с подобными мне? В прошлой жизни?

— Случалось. Они не были опасны, если выступали против нас один на один, но во время сражений... порой перетягивали победу на свою сторону, просто поднимая мертвых солдат и снова бросив их в бой... В битве у Мокрого Камня некроманты едва не опрокинули нас. Почему ты спросила?

— Не хочу становиться такой.

— Значит, не станешь.

— Твоя вера в меня сильна.

— О да. Так я верил лишь в Тиона и Арилу. В тебе есть то же самое, что и в них.

— Что же?

— Воля. Радость. Свет. Стальной стержень. Я помогу тебе, Шерон из Нимада.

И он помогал, пока не ушел, оставив один на один с кладбищем, которое она чувствовала даже отсюда.

Шерон отвела взгляд от Поля Мертвых и посмотрела на запад, где, поднимаясь на скошенный утес каскад за каскадом, высился дворец герцога: с куполами небесного цвета, воздвигнутыми еще в конце прошлой эпохи. Город в городе, чьи алебастровые стены до сих пор воспевают поэты, а полководцы Дагевара спят и видят, как их обрушат.

Как-то, когда только знакомилась с Эльватом, девушка оказалась совсем рядом с территорией дворца, заблудившись в пыльной, горячей, сложной паутине полуденных улиц, пахнущих специями, фруктами, ароматическими маслами и дымом из тяжелых круглых курильниц. Всем тем, что было для нее в новинку — и даже книги, которыми она зачитывалась всю свою юность, не смогли передать ей реальную жизнь южного города.

Шерон прошла через цветущий гранатовый сад и очутилась возле белой стены, отполированной до блеска так, что в ней можно было изучить свое отражение. Ей очень захотелось коснуться лица зеркального двойника, и она, подчиняясь какому-то внутреннему чувству, сделала шаг вперед.

Указывающей показалось, что ее рука по локоть провалилась в камень и кожи коснулся горный поток, столь стремительный, свежий и бодрящий, что у нее закружилась голова. Она ощутила, как нечто странное, огромное и в то же время бесплотное, мягко обхватывает ее пальцы, словно во время рукопожатия и... Шерон испугалась, что еще чуть-чуть и ее утащат в зазеркалье, в бурную воду, а течение унесет ее далеко от Эльвата, высосав всю силу.

Что-то больно обожгло ее бок, заставив отшатнуться, и... вот уже она снова в просвеченном солнцем саду, хмурясь, потирает ладонь. Сунув руку в сумку на поясе, Шерон ощутила, как быстро теряют тепло игральные кости, выточенные из рога нарвала.

Она не стала ничего говорить Мильвио, так как обещала не подходить к дворцу. И почти целую неделю ее преследовали сны, где огромный, сотканый из воды полоз зовет ее к себе, просит отбросить сомнения и подойти поближе. Она не знала, что это, не боялась его, не испытывала никакой трево-

ги, чувствовала от силы скорее дружелюбие, чем ненависть, но не поддалась. И постепенно яркие сны погасли, а то, что жило во дворце, словно бы вновь впало в спячку, забыв о ее существовании.

— Думаю, на сегодня хватит. — Голос Шамси отвлек девушку от воспоминаний.

Она посмотрела на остывающий диск солнца, который острым краем едва касался западных утесов. Довольно рано. Обычно тренировка продолжалась до того момента, как небо становилось темно-фиолетовым, а на улицах зажигали жаровни.

— Сегодня в мой дом придет человек, который хочет увидеть мою младшую дочь. — Он впервые на ее памяти улыбнулся. — Если гость останется доволен, то через четыре месяца у нее будет новая семья.

Шерон улыбнулась в ответ и сказала, как это было принято в Карифе:

— Большая удача, когда дочь находит семью.

— Да. — Он внезапно нахмурился, повернув голову. — Не нравится мне ветер. Видишь? Небо на горизонте мутное. Идет гроза.

— Еще далеко, — беспечно пожала плечами Шерон. — Я успею вернуться.

Быстро собравшись, девушка завернула меч в плотную ткань, чтобы никто не глазел на странную вооруженную чужестранку в карифской одежде.

Улица пахла жареными в меду орехами и бараниной, обвалянной в специях, а еще переспелыми дынями, которыми торговали на углу. Недалеко от башни, опустив босые ноги в песок, возле деловито рывшихся рыжих голошеих кур, указывающую терпеливо ожидала маленькая служанка.

Агсан — низенькой и смуглой девчонке — недавно исполнилось одиннадцать, и она была пятой внучкой хозяйки дома, который снимала Шерон. Черноволосая, с четырьмя короткими неряшливыми косичками, вечно без обуви, с браслетами из стеклянных бусин, украшавшими тонкие запястья, она сама напросилась к Шерон в услужение и готова была работать за несколько медных ултов в неделю.

Указывающей не нужна была помощница, но девчонка оказалась настойчивой, донимала ее просьбами целую неделю, и Лавиани, усмехнувшись, как-то посоветовала:

— Все равно от тебя не отстанет и крутится рядом. А так хоть какая-то помощь по дому. Не я же должна здесь полы от песка подметать. Да и нашей «герцогине» постоянно нужен уход. Она нас с тобой не слишком-то жалует, неделями не разговаривает. Так пусть девица за ней смотрит. Кругом одни плюсы, посуды сама. Буду тыкать ей пальцем в грязную посуду и учить жизни. Всегда мечтала начать использовать рабский труд детей.

Впрочем, сойка быстро пожалела о своем предложении. Агсан не желала ей подчиняться, лишь мрачно смотрела исподлобья, если Лавиани ругала ее за нерасторопность. Девочка признавала лишь приказы Шерон.

От нее и вправду была польза. И в хозяйстве, и в качестве сиделки, и как проводника по городу. Она водила Шерон по кварталам, показывая новые для чужестранки улицы, уча ориентироваться в лабиринте Верблюжьего рынка, Озера Специй, Загонов Туаре и других районов бедноты, протянувших-ся вдоль Старого Королевского тракта.

Ей можно было доверить деньги, отправить за покупками на рынок, или попросить договориться с продавцами льда, или оставить на сутки с Бланкой, зная, что у той будет и вода, и еда, и, быть может, при должной удаче не самое дурное настроение.

Увидев указывающую, Агсан вскочила, решительно забрала завернутый в тряпку меч, сунула в высокую корзину, сплетенную из рафии. Носить клинок госпожи девочка считала чем-то вроде привилегии, а свою корзинку — самым надежным местом для хранения особо ценных вещей.

Далеко-далеко слабо и сухо прогремел гром.

— Не знала, что в пустыне бывают грозы, — сказала Шерон. — Дождь в Карифе, наверное, почитают за благо.

Агсан серьезно кивнула.

— Не боишься намокнуть?

— Нет, госпожа. Но сейчас не должно быть дождя. Слишком жаркое время.

— И все же он идет. А мы отправляемся домой. Если потопимся, то вернемся до начала ночи.

Эльват ничуть не походил на Нимад и, прожив в столице Карифа достаточное время, указывающая до сих пор поражалась тому, насколько разная жизнь и судьба у этих городов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Эпохи

- Первая эпоха — Эпоха Безвременья
- Вторая эпоха — Эпоха Рождения
- Третья эпоха — Эпоха Света
- Четвертая эпоха — Эпоха Процветания
- Пятая эпоха — Эпоха Забвения

Названия месяцев

- Месяц Ворона — первый месяц зимы.
- Месяц Мантикоры — второй месяц зимы.
- Месяц Снегиря — третий месяц зимы.
- Месяц Креста — первый месяц весны.
- Месяц Единорога — второй месяц весны.
- Месяц Соловья — третий месяц весны.
- Месяц Щита — первый месяц лета.
- Месяц Тени — второй месяц лета.
- Месяц Дракона — третий месяц лета.
- Месяц Журавля — первый месяц осени.
- Месяц Меча — второй месяц осени.
- Месяц Василиска — третий месяц осени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Баталия	5
<i>Глава вторая.</i> Ирифи	17
<i>Глава третья.</i> Червь	40
<i>Глава четвертая.</i> Стража Верблюжьего рынка	52
<i>Глава пятая.</i> Последний сын	65
<i>Глава шестая.</i> «Дубовые кольца»	77
<i>Глава седьмая.</i> Золотая клетка	97
<i>Глава восьмая.</i> Гриф	115
<i>Глава девятая.</i> Д'эр вин'ем	126
<i>Глава десятая.</i> Женский угол	146
<i>Глава одиннадцатая.</i> Крыло скарабеев	161
<i>Глава двенадцатая.</i> Рокот	183
<i>Глава тринадцатая.</i> Почти герцогиня	210
<i>Глава четырнадцатая.</i> Стражи традиций	224
<i>Глава пятнадцатая.</i> Слово указывающей	248
<i>Глава шестнадцатая.</i> Светлячок	267
<i>Глава семнадцатая.</i> Знания Дакрас	287
<i>Глава восемнадцатая.</i> Тропа Вэйрэна	307
<i>Глава девятнадцатая.</i> Нити и кости	329
<i>Глава двадцатая.</i> Даират	351
 Приложение	
Эпохи	374
Названия месяцев	374